

IM MEMORIAM

Пьер Бурдьё

23 января 2002 года умер Пьер Бурдьё...

Эта утрата, олицетворившая наше все более безотрадное и сиротливое одиночество, стала следующим шагом в гулкую вечность, где никто уже не принадлежит самому себе...

В 1980 ушли из жизни Жан-Поль Сартр и Ролан Барт: смерть первого лишила философию решимости критического рационализма, соединившего философскую мысль и политическое действие под знаком социальной ангажированности интеллектуала; смерть второго – остроты восприятия, риторической точности, дискурсивной очарованности, всего, что составляет неотъемлемое достояние подлинной семиотической чувствительности. В 1981 году умер Ирвинг Гоффман, с кончиной которого социологическое представление о Социальном Представлении безвозвратно утратило яркость и жизненность. В 1984 СПИД унес Мишеля Фуко, и вместе с его уходом дискурс лишился интеллектуального безрассудства, критические суждения – действительности, а деятельность – мыслительной свободы. После того, как в 1992 году умер Феликс Гваттари, а в 1995 покончил с собой Жиль Делёз, и парадокс и гротеск перестали быть достоянием философского творчества в той степени, как при их жизни. В 1998 году скончался Жан-Франсуа Лиотар, вместе с ним угасла едва начавшись, эпоха постмодерна, которая была декларирована в его текстах, но так и осталась образцовым «символическим» существованием. В том же году умер Никлас Луман, лишив современную теоретическую социологию масштабности, даруемой панлогической философской систематизацией.

Смерть Бурдьё стала последней строкой в этом завораживающем мартирологе. Мы неожиданно оказались поставлены перед трагическим вопросом: не является ли эта смерть скорбным свидетельством заката эпохи, которая, предъявив гуманитариям и социальным наукам императив актуальности, сделала отвагу и самоотверженность обязательными условиями творчества? Конечно, мы не утверждаем, будто эти науки умрут вместе с теми, кто столь серьезно повлиял на их формирование. Не идет здесь речь и об очередном пророчестве, возвещающем о якобы открывшейся перспективе завершения философской деятельности – нет ничего в буквальном смысле менее философского, нежели подобное откровение, которое, гранича с самобичеванием, расписывается в собственном бессилии, в отсутствии творческого воображения и интеллектуальной изобретательности. Смерть Бурдьё может свидетельствовать совсем о другом: развитие социальных и гуманитарных наук не прекратится, однако будет происходить уже не в модусе Современности и Пост-Современности, но в каком-то совсем ином модусе, для которого пока не придумано имени... Это чревато последствиями двоякого рода: с одной стороны, данные дисциплины, возможно, скоро перестанут быть ареной философского эксперимента, с другой же стороны, не

исключено, что и сама философия в одночасье перестанет быть ареной полевых исследований для социальных и гуманитарных наук.

* * *

Пьер Бурдьё родился в 1930 году в беарнской деревне Данген в семье почтового служащего. Статус профессионального философа он получил в известнейшем учебном заведении Франции, тогдашней Мекке интеллектуалов – *École normale supérieure*. Педагогами Бурдьё были Альтюссер и Фуко, здесь он познакомился с Деррида, Серром, Женеттом, увлеченными в то время марксизмом и ставшими впоследствии мыслителями мировой величины. В развернувшейся тогда острой полемике между сторонниками Жан-Поля Сартра и Клода Леви-Стросса Бурдьё однозначно принял сторону Леви-Строса (много позже он признавал, что в ту пору, да и некоторое время спустя, был «блаженным структуралистом», искренним антропологом по образцу отца-основателя классического структурализма). В 1955 году, закончив учебу, Бурдьё уехал в провинциальный город Мулен, где работал преподавателем в лицее.

Спустя три года он отправился в Алжир, избрав деятельность, связанную с прикладными социологическими исследованиями. Вместе с изменением сферы профессиональных интересов меняются и теоретические установки молодого ученого: его уже не устраивает структуралистская модель «отстраненного изучения», в рамках которой наблюдатель в тайне даже от самого себя наделяет собственную персону привилегиями теоретического демиурга и подменяет моделирование реальности «реальностью модели», а наблюдаемым достается лишь незавидная роль статистов. В качестве предмета своих изысканий Бурдьё избрал алжирских крестьян, рабочих и мелкую буржуазию. И именно им посвящены его первые работы: «Социология Алжира» (1961) и «Труд и трудящиеся в Алжире» (1964).

В 1964 году Бурдьё предложили пост директора-исследователя в *École pratique de la recherche en hautes études*. В 1975 году он инициировал основание и стал первым руководителем влиятельнейшего *Centre de Sociologie Européenne* (Центра европейской социологии). Вершиной признания Бурдьё явилось его избрание в 1981 году действительным членом *Французской академии наук*.

1970–1990-е годы можно назвать эпохой Бурдьё – именно в этот период вышли его наиболее фундаментальные книги: «Воспроизводство» (совместно с Ж.-К. Пассероном, 1971), «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» (1976), «Различение» (1979), «Практический смысл» (1980), «Вопросы социологии» (1980), «*Homo academicus*» (1984), «Начала» (1988) «Государственная знать» (1996), «Принципы искусства» (1996), «О телевидении» (1998), «Тяжесть мира» (1999), «Паскалианские размышления» (2000). Всего за свою жизнь Бурдьё опубликовал более 30 крупных монографий и несметное число статей, посвященных самым разным аспектам социальной реальности и самым разным социальным слоям, группам и явлениям.

* * *

Проводя полевые изыскания, Бурдьё пришел к выводу, что обычаи и жизненные устои респондентов достаточно далеки от представлений приверженцев правоверного структурализма. Повсюду, где последние видели свидетельства несомненного присутствия поведенческих кодов, выражавшихся через более или менее явные нормы совершения действий, Бурдьё обнаруживал невозможность окончательного ответа. Он не находил несомненных признаков того, что поступки осуществляются именно в соответствии с логикой кодексов и предписаний.

Это вовсе не означало, будто кодексы не существуют, а предписания не действуют – он очень быстро понял, что вопрос вообще должен быть поставлен

совершенно иначе. Речь может идти не о заведомо бесперспективных попытках выяснения того, насколько осознанно или неосознанно детерминируется человеческая деятельность принятыми правилами, но о том, чтобы *понять*: правила исполняются тогда, когда это соответствует практическим нуждам, и создаются лишь как наиболее полное выражение этих нужд, которые могут требовать, а могут и не требовать последовательной кодификации.

Догадки, впервые посетившие Бурдьё в ходе исследования брачных отношений у алжирских берберов, легли впоследствии в основу его теории *габитуса* (это понятие имело не меньше вариаций, нежели понятие категорического императива в классических трудах Канта, посвященных законодательству практического разума и метафизике нравственного поступка). Теория габитуса, изначально предполагающая единство социальных и ментальных структур, обозначила собой разрыв с традиционной философской дихотомией объекта и субъекта, без которой невозможна никакая метафизика.

Понятие габитуса неожиданно вернуло к вопросу, поставленному Аристотелем, но так и не получившему окончательного ответа на протяжении всех последующих столетий – *вопросу о человеке как социальном животном*. Решения Бурдьё никто не мог предвидеть: по его утверждению, вторая натура человека, его причастность к социальному, возможна лишь как первая натура, как онтологическое средоточие всего, что мы склонны принимать за выражение собственных антропологических черт. Радикализм ответа Бурдьё на аристотелевский вопрос заключался в том, что *онтология человеческого существования* явилась для французского социолога эквивалентом или, точнее, субститутутом *социальной праксеологии*.

Наряду с теорией габитуса Бурдьё ввел в научный (и не только научный) обиход понятия политического, символического, культурного, информационного и других разновидностей социального *капитала*. Каждая такая разновидность представляет собой, согласно Бурдьё, специфический ресурс для формирования практики того или иного действующего субъекта во всей ее неповторимости. В зависимости от общего объема капитала, имеющегося в распоряжении отдельного «социального игрока», могут возрастать или падать его «ставки», более или менее успешно складываться его движение в *социальном пространстве*; в зависимости от структуры капитала, находящегося в руках данного игрока, осуществляется выбор его *социальной траектории* (то есть, по сути, выбор жизненного пути). Каждый капитал имеет хождение лишь в определенном *поле* или *подпространстве* социального пространства и представляет собой не что иное, как объективацию особой разновидности общественных отношений.

Неравенство в распределении и структурировании капиталов в рамках конкретной социальной позиции указывает на то, что каждый капитал производит и воспроизводит специфические *отношения господства*. Любое поле (подпространство) социального пространства может быть, в свою очередь, описано как сложная конфигурация социальных связей (отношений) между отдельными *позициями*. Объективность существования этих связей дает о себе знать в том, что они оказывают преобладающее воздействие на людей, которые в качестве действующих субъектов неизбежно вовлечены в общественную жизнь.

И здесь Бурдьё делает интересный ход: он связывает индивидуальное существование человека с проблематикой социальных/социологических переменных, которые играют роль констант. Генерализация такого рода «подмены», которая случается в жизни каждого из нас, нашла отражение в том, что социологическая проблематика в рамках данного подхода превратилась в субститут психологической, а

точнее, психоаналитической проблематики. Программным принципом многолетних исследований Бурдье явилось создание концепции *социоанализа*.

Очень скоро стало ясно, что именно социоанализ позволяет под совершенно особым углом зрения рассмотреть огромную совокупность тем - от политики до искусства и от экономики до литературы. Благодаря социоанализу во всех этих темах Социальное смогло во всеуслышании заявить о своем присутствии, открыв свой постоянно отдаляющийся от нас и, по сути, куда более таинственный, чем принято думать, горизонт.

* * *

Фигура Бурдье неизменно вызывала, и, по-видимому, будет вызывать полярные суждения. Теоретические последователи называют его Карлом Марксом наших дней и утверждают, что если раньше социология и философия вынуждены были соотносить себя с наследием человека, который первым попытался заставить мир меняться под влиянием социальных идей, то теперь эти познавательные дисциплины сами должны претерпеть существеннейшие трансформации, доказав свою практическую состоятельность острым, чутким и неотступным вниманием к практической деятельности, которая должна рассматриваться не только как важнейшая теоретическая проблема, но и как потаенное приводное устройство любой теории.

Левацки настроенные теоретические оппоненты Бурдье критиковали его за удар, нанесенный им по субъективизму: анархическо-рационалистической свободе, которой было отказано в праве на существование.

Оппоненты-либералы упрекали французского социолога в отказе от теории рационального действия, которая сводила образцовые формы поведения и мышления *homo sapiens* к поведению и мышлению *homo oeconomicus*, и, по крайней мере со времен Вебера, являлась наиболее бережно охранявшимся идейным достоянием сторонников представления о том, что жизнь человека пронизывается расчетом и определяется осознанным выбором.

Оппоненты-консерваторы вменяли Бурдье в вину пренебрежение к философским идеалам логицизма, предписывающим исследовать социальные и несоциальные явления с точки зрения системных свойств, то есть описывать общество как систему систем, позволяющую соотнести каждый аспект человеческого существования с исполнением определенных функций, а само человеческое существо сделать средоточием любой возможной функциональности.

Однако парадокс заключается в том, что Бурдье не может быть действительно отвергнут ни левыми, ни либералами, ни консерваторами. Те, кто отказывал ему в «классичности», не могли не признавать его «актуальность», и наоборот, те, кто отказывал ему в «актуальности», не могли не подтвердить его «классичность». Это различие и парадоксальное сходство мнений дают полное основание считать Бурдье подлинным *классиком современности*. Более того, он заставил изменить способ самоидентификации и консерваторов, и либералов, и левых. Именно после Бурдье левые стали определять себя как антиглобалисты, а правые вынуждены были признать свою приверженность глобализму, ведь глобализация, как всячески стремился показать французский социолог, – это процесс, приводящий к острейшим (уже не «пост-», а скорее «нео-»)современным противоречиям и подспудно способствующий вызреванию очагов наиболее ожесточенной борьбы.

Лейтмотивом глобализации служит *экономикоцентризм*, различные стороны которого блестяще вскрывал Бурдье, исследовавший последствия усиления роли экономики и экономических отношений в формировании облика социального мира, когда возможность «капитализмов» отвергается в пользу одного, унифицированного и

унифицирующего Капитализма; творческое сочленение различных видов деятельности подавляется по мере все более осязаемого преобладания экономической практики; некапиталистические логики экономического поведения (например, в таких областях, как наука, культура и искусство) вытесняются капиталистическими логиками, которые сами приобретают статус «науки», «культуры» и «искусства». (Нельзя не отметить, что Россия, – как, может быть, ни одна другая страна, – нуждается в осмыслении опыта вовлечения в процессы глобализации, поскольку именно здесь подобного рода глобалистские тенденции заявили о себе с поистине обескураживающей неотвратимостью.)

* * *

Смерть Бурдьё поставила нас перед необходимостью подведения итогов его творчества и выявления возможных преемников. Но именно это и составляет многосложную и, быть может, даже неразрешимую задачу.

Можно соглашаться или не соглашаться с оппонентами Бурдьё, однако неоспоримо одно: противоречивость данных ему оценок свидетельствует не только об интересе к этой фигуре, но и о том, что само социологическое знание в лице основоположника социологического анализа стало объектом самого искреннего практического (прежде всего политического) интереса. Поскольку такого рода интерес ни в коей мере не исчерпан и только нарастает с течением времени, всякое подведение итогов в данном случае является избыточным и ненужным.

В этом нет никакого парадокса: речь лишь об одном – Бурдьё удалось добиться осуществления стратегии обращения с теоретической мыслью, всегда составлявшей его кредо. Ему удалось выделить практические аспекты социальной теории, которая, будучи возвращенной практике, в свою очередь, смогла стать полноценной *политикой социологического знания* в современном мире. Преемственность в данном случае вовсе не тождественна верноподданничеству адептов и добросовестности комментаторов. Она означает нечто принципиально другое: *продолжение работы социолога*.

Той работы, которой Бурдьё оставался верен до самых последних дней...

Избранные тексты на французском языке

Sociologie de l'Algérie. P., 1961.

Le Déracinement. P.: Minuit, 1964. (avec A. Sayad).

Étudiants et leurs études. P.: Mouton, 1964. (avec J-C. Passeron).

Les Hérités. P.: Minuit, 1964. (avec J-C. Passeron).

Travail et Travailleurs en Algérie. P.: Mouton, 1964. (avec A. Darbel, J-P. Rivet et C. Seibel).

Un Art moyen. P.: Minuit, 1965. (avec L. Boltanski, R. Castel et J-C. Chamboredon).

Rapport pédagogique et Communication. P.: Mouton, 1965. (avec J-C. Passeron et M. de Saint Martin).

L'Amour de l'art. P.: Minuit, 1966. (avec A. Darbel).

Le Métier de sociologue. P.: Mouton/Bordas, 1968. (avec J-C Passeron et J-C. Chamboredon).

La Reproduction. P.: Minuit, 1970. (avec J-C. Passeron).

Esquisse d'une théorie de la pratique: précédée de trois études d'ethnologie kabyle. Geneve: Droz, 1972.

Algérie 60. P.:Minuit, 1977.

La Distinction. P.: Minuit, 1979.

Le Sens pratique. P.: Minuit, 1980.

Questions de sociologie. P.: Minuit, 1980.

Leçon sur la leçon. P.: Minuit, 1982.
Ce que parler veut dire. P.: Fayard, 1982.
Homo academicus. P.: Minuit, 1984.
Choses dites. P.: Minuit, 1987.
L'Ontologie politique de Martin Heidegger. P.: Minuit, 1988.
La Nobless d'Etat. P.: Minuit, 1989.
Les Regles de l'art. P.: Seuil, 1993.
Esprits d'Etat. Genese et structure de champ bureaucratique // Actes de la recherche en Sciences sociales. 1993. N 96-97. P. 49-62.
Sur la television. Liber: Raison d'agir, 1996.
Meditations Pascaliennes. P.: Seuil, 1997.

Избранные тексты на английском языке

The Algerians. Boston: Beacon Press, 1962.
Sociology and Philosophy in France since 1945: Death and Resurrection of Philosophy without Subject // Social Research. 1967. Vol. 34. N 1. Spring P. 162-212 (with J. C. Passeron).
Intellectual Field and Creative Project (S. France) // Social Science Information. 1969. Vol. 8, N. 2. April. P. 89-119. Also in: "Knowledge and Control: New Direction for the Sociology of Education" / Ed. by F. D. Michael L. Young.: Collier-Macmillan, 1971. P. 161-188.
The Three Forms of Theoretical Knowledge // Social Science Information. 1973. Vol. 12, N 1. P. 53-80.
Reproduction in Education, Society and Culture. London and Beverly Hills, Ca.: Sage Productions, 1977.
Outline of Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
The Philosophical Establishment // Philosophy in France Today / Ed. by A. Montefiore. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1-8.
Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Mass.: Harvard, 1984.
The Genesis of Concepts of Habitus and Field // Sociocriticism (Pittsburgh, Pa. and Montpellier), Theories and Perspectives II. no. 2 (December 1985), P. 11-24.
The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. N.-Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.
Legitimation and Structured Interests in Weber's Sociology of Religion // Max Weber, Rationality and Modernity / Ed. by S. Whimster and S. Lash. L.: Allen&Unwin, 1987. P. 119-136.
The Invention of Artist's Life // Yale French Studies. 1987. Vol. 73. P. 75-103.
Homo Academicus. Cambridge: Polity Press, Stanford University Press, 1989.
Photography: A Middle-Brow Art. Cambridge: Polity Press, Stanford University Press, 1990.
The Love of Art: European Museums and their Public. Cambridge: Polity Press, 1990.
In Other Words. Cambridge: Polity Press, Stanford University Press, 1990.
Language and Symbolic Power / Ed. by J. Thompson. Cambridge, Mass.: Harvard, 1991.
An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. (with Loic J. D. Wacquant).
The Field of Cultural Production. Cambridge: Polity Press, 1993.

Избранные тексты на русском языке

Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994.

Университетская докса и творчество // Социо-Логос'96. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма'97. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1997. С. 9-29.

Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166.

За социологию социологов // Пространство и время в современной социологической теории. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. С. 5-10.

Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдьё. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Кандидат философских наук. А.Ю. Ашкеров